

ному, кроется захватывающее значеніе художественныхъ символовъ?

Въ смежныхъ залахъ предъ вами мелькаютъ гармоничныя, законченныя произведенія, которыя давно дороги вамъ; вы столько разъ въ созерцаніи ихъ находили высокое наслажденіе, и временно успокаивались въ ихъ олимпійскомъ спокойствіи. Но пока вы проходите мимо нихъ, вмѣстѣ съ вами идутъ видѣнные вами обломки; они преслѣдуютъ и волнуютъ васъ. Вы мысленно пытаетесь закончить ихъ. Чтѣ говорилъ тотъ отрывокъ, котораго нѣтъ? Чтѣ прочли бы мы на томъ лицѣ, которому не суждено было дойти до насъ? Какъ велась борьба между сильными земли и бессмертными Олимпа?.. Вамъ уже трудно строго отдѣлать видѣнное отъ восполненныхъ вашимъ воображеніемъ пробѣловъ, и приведенная въ сознаніе мысль художника начинаетъ быть продолжительнымъ источникомъ энтузіазма и будить всѣ духовныя силы ваши въ высшей гармоніи. Въ рукѣ художника—ключъ къ этому богатому резонансу, волшебный жезлъ, по мановенію котораго звучитъ эта богатая симфонія.

Глыбы мрамора подчинились невидимой мысли художника; упорное вещество воплотило духовное величіе челоуѣка. Вѣка проходятъ, и обломки творенія вызываютъ восторгъ и будятъ духовныя силы позднихъ поколѣній. И всякій наслаждается ими по мѣрѣ своего разумѣнія и черпаетъ изъ нихъ по личному отношенію своему къ мысли художника. Мысль многихъ находитъ пищу въ великомъ твореніи и предается истолкованію его. Ибо „когда строить цари, у поденщиковъ много дѣла“. И обломки эти говорятъ намъ о томъ, чтѣ думали многодумные, чтѣ чувствовали люди съ высокой душой; мы привѣтствуемъ въ нихъ представителей идеаловъ челоуѣчества.

И древнимъ мудрецамъ, и художникамъ, идеалы которыхъ были замкнуты въ кругу земной жизни, являлось божественное, потому что они искали его. То Фидій, которому явилась Паллада-Афина, чтобы онъ воплотилъ въ ея образѣ красоту и мудрость, силу и небесную благодать; то Сократъ, воплотившій красоту въ жизни своей; то, наконецъ, Зевсъ пергамскихъ раскопокъ, появленіе котораго на свѣтъ изъ-подъ гнета скрывавшихъ его глыбъ ученый археологъ, руководившій раскопками, привѣтствовалъ трепетно вдохновеннымъ: „Ессе Deus!“ — всѣмъ имъ являлась та духовная красота, источникъ которой лежитъ внѣ конкретныхъ представленій. Произведенія ихъ возникли изъ глубины интуитивныхъ видѣній, изъ свѣтлаго созерцанія безмятежныхъ высей, неувядаемыхъ красотъ. Во времена возрожденія, когда Рафаэля